

О.А. Симонова (Москва)

ОБРАЗ БЛУДНИЦЫ В ФЕМИНИСТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ НАЧАЛА XX В.

Аннотация. В статье рассматривается сюжет «Спаситель и блудница», восходящий к евангельским историям и распространенный в русской классической литературе, для которой характерны авторская установка на спасение героини и сострадательное отношение к ней. В ходе исследования устанавливается, что феминистская беллетристика (журнал «Женский вестник» (1904–1917), рассказы М.И. Покровской), наследуя традиции, в то же время имела свои особенности. Субъектом повествования становился не герой, а героиня (зачастую несчастная девушка, которая предпочла проституции самоубийство). Евангельский сюжет разрушался: отсутствовала или пародировалась фигура спасителя, героиня представлялась в конфликте с обществом. Чаемое спасение оказывалось в принципе неосуществимым в конкретных исторических условиях, при которых женщина была ограничена в правах.

Ключевые слова: русская литература начала XX в.; массовая литература; феминистские журналы; женская проза; образ проститутки; Спаситель и блудница.

O. Simonova (Moscow)

Image of a Whore in the Feminist's Fiction of the Early 20th Century

Abstract. The article examines the plot “Saviour and whore” tracing back to the gospel histories is popular in the Russian classic literature, which is characterized by the regard to the heroine as to suffering creature and by the author's tendency to her salvation. During the research it appears that the feminist's fiction (magazine “Zhenskiy Vestnik” – “Women's Herald” (1904–1917), stories by M.I. Pokrovskaya) inheriting the tradition, at the same time proposes certain peculiarities. The heroine (frequently, a wretched girl who would prefer suicide to prostitution) becomes the subject of narration instead of a hero. The gospel plot is ruining: the figure of the saviour is absent or parodied, the heroine appears in a conflict with society. The wishful salvation was unfeasible at all in the historical situation when the women were violated in rights.

Key words: Russian literature of the beginning of the 20th century; mass literature; feminist's magazines; Women's fiction; image of prostitute; the Saviour and whore.

Образ блудницы, восходящий к евангельским и агиографическим прототипам, получил разную трактовку в европейских национальных литературах. Например, во французской литературе тема практически утратила христианскую составляющую. Самые яркие образы были созданы в традициях натуралистической школы (Ж.-К. Гюисманс «Марта. История падшей», 1876; Э. Золя «Нана», 1880) и реализма (Г. Мопассан «Пышка», 1880; «Дом Телье», 1881; «Мадемуазель Фифи», 1882 и др.). В этих произведениях проститутка, движимая корыстолюбием и легкомыслием, оказы-

вается обречена на порок, ее страдания не изображаются, она практически не рефлектирует над своим положением. Даже Мопассан, представляющий проститутку героиней, одерживающей моральную победу над другими персонажами («Пышка», «Мадемуазель Фифи»), характеризует ее положение как данность. В русской литературе преобладает христианское восприятие образа: отношение к героине как к страдающему существу и авторская установка на спасение, заимствованная из евангельской истории.

Сюжет «Спаситель и блудница» восходит к двум евангельским историям. В первой Христос защищает прелюбодейку от побивания камнями (Ин. 8, 2–11). Этот сюжет (в т.ч. посредством апокрифической литературы¹) вошел в русскую культуру, он был использован, например, В.Д. Поленовым в картине «Христос и грешница (Кто без греха?)», 1888. К нему близок другой апокрифический сюжет о внезапном духовном перерождении богатой грешницы под влиянием личности Христа, появившийся у Г.И. Семирадского («Христос и грешница», 1873). В русской литературе сюжет «Христос и грешница» нашел воплощение в поэмах А.И. Полежаева, А.К. Толстого, В.В. Крестовского, Д.Д. Минаева².

Другая история связывается с фигурой Марии Магдалины. В православной традиции Мария Магдалина не признается блудницей, она была грешницей, из которой Иисус изгнал «семь бесов», впоследствии стала его ученицей и одной из жен-мироносиц. Восприятие Марии Магдалины как кающейся грешницы распространено в католической традиции, где произошло ее отождествление с безымянной блудницей, омывшей ноги Христа мирром и обтеревшей их своими волосами³. В таком виде сюжет «Спаситель и блудница» перешел из раннехристианских легенд в европейское искусство (С. Боттичелли «Мистическое Распятие», ок. 1500; П.-П. Рубенс «Пир в доме Симона Фарисея», ок. 1618, С. Вуэ «Христос в доме Симона Фарисея», ок. 1630 и др.).

Очевидно, в данном сюжете европейская традиция питала русскую культуру: блудницы соотносились с Магдалиной. Так, созданное в 1833 г. в Петербурге учреждение для исправления падших девиц получило название, как и его западные аналоги, «Магдалинское убежище». В русской литературе сюжет «Христос и Магдалина» привился у авторов, принадлежавших разным литературным направлениям (М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак, Н.А. Клюев и др.).

В стихотворении Н.А. Клюева «Грешница» (1911)⁴ (окончательное название – «За лебединой белой долей») встреченная лирическим героем грешница вызывает у него в памяти картину, изображающую Магдалину у ног Христа:

Панель... Толпа... И вот картина,
Необычайная чета:
В слезах лобзает Магдалина
Стопы пречистые Христа.

Таким образом, виденная мельком проститутка соотносится с христианским прототипом («Непостижимая, святая, – /Небес отмечена перстом»; «Как ты, раскаянем объята,/ Янтарь рассыпала волос»). Поэт творит свою героиню, обращаясь к культурной традиции, ничего реально не зная о встреченной им проститутке. Происходит двойное опосредование: поэт создает образ блудницы, опираясь на созданный в живописи образ, который, в свою очередь, восходит к праобразу – святой Магдалине. Этот пример показывает, как формировались образы блудниц в русской литературе, как зачастую они были основаны не на реальных прототипах, а восходили к архетипу, идеализировались и поэтизировались.

Сюжет, согласно которому герой пытается спасти блудницу, становится основным для русской классической литературы (Н.В. Гоголь «Невский проспект», Н.Г. Чернышевский «Что делать», Л.Н. Толстой «Воскресенье», В.М. Гаршин «Происшествие», «Надежда Николаевна» и др.). Позицию автора в таком отношении к героине А.К. Жолковский называет «проективно-утопической установкой на “спасение”»⁵.

В реальной жизни идея интеграция проституток в общество через привлечение их к труду (посредством пресловутой швейной машинки) либо замужество потерпела крах во второй половине XIX в.⁶, неэффективной оказалась и направленная на исправление падших деятельность петербургского Магдалинского убежища⁷. Уже с 1860-х гг. в литературе (Ф.М. Достоевский «Записки из подполья», «Идиот», А.И. Левитов «Погибшее, но милое создание», А.П. Чехов «Слова, слова и слова», «Припадок», Л.Н. Андреев «Христиане» и др.) разоблачается утопия о спасении падшей⁸.

Новым этапом в осмыслении сюжета становится «инверсия ролей блудницы и спасителя и появление образа Спасительницы на месте падшей»⁹ (Соня Мармеладова из романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, Люба из рассказа Л.Н. Андреева «Тьма»).

На рубеже XIX–XX вв. в русской литературе происходит травестирирование мифа о «возрождении» блудницы и обновление сюжета («романтизация» доступных женщин в рассказах М. Горького, снятие оценочности по отношению к грешнице в стихотворениях А.А. Блока и В.Я. Брюсова). Своеобразной «энциклопедией» проституции становится повесть А.И. Куприна «Яма» (1909–1915).

Одной из особенностей искусства рубежа XIX–XX вв. можно считать инверсию оценок традиционных образов: отрицательные персонажи становятся привлекательными (Лилит, Саломея¹⁰ и др.). Схожая тенденция характерна и для образа блудницы в массовой литературе. Изменяется отношение к женщине, имеющей множество сексуальных связей. Если традиционно она порицалась как распутная и становилась изгоем общества, то в массовой литературе начала XX в. (Е.А. Нагродская «Гнев Диониса», А.А. Вербицкая «Ключи счастья» и др.) подобное поведение героини одобряется автором. Свобода в сексуальных отношениях становится одной из

характеристик «новой женщины».

Обострение внимания к сюжету о блуднице в русской литературе начала XX в. вызвано и т.н. «женским вопросом», обсуждением прав и положения женщины в обществе. В феминистских журналах («Женский вестник», 1904–1917, «Союз женщин, 1907–1909) проститутка становится основным объектом сочувствия авторов и частой героиней беллетристики, призванной обратить общественное внимание на проблему. В большей степени принадлежала сфере идеологии и пропаганды, чем искусству, феминистская беллетристика стала одним из инструментов борьбы за улучшение положения женщин. Облекая свои идеи в художественную форму, авторы демонстрировали непосредственную связь между официально одобренной проституцией и неравенством мужчин и женщин. Рассказы феминисток отличались как от «большой» литературы, фокусирующейся на страданиях героев, так и от массовой литературы, в которой, по большому счету, проституция одобрялась.

Задачей феминисток становится показать социально-экономические причины феномена проституции. Много труда и сил положила на это Мария Ивановна Покровская (1852 – дата смерти неизвестна), общественный деятель, врач, основательница и главный редактор самого продолжительного феминистского журнала в России – «Женский вестник». Признавая, что в литературе, как и по статистике, причинами проституции чаще всего являются незаконная связь и бедность, Покровская выдвинула самой главной и коренной причиной «ненормальное социальное положение современной женщины и распущенность мужчин»¹¹.

Важно отметить, что именно в ориентации на русскую литературу и в полемике с ней феминистки создавали тексты о проститутках. Покровская резюмировала то, что было создано русскими писателями на эту тему. Половину своей книги «О падших» она посвятила разбору произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.М. Гаршина, А.П. Чехова. Прежде всего, она отметила сочувственное отношение писателей к своим героиням, которые обнаружили в них «исстрадавшегося человека, которого безжалостно топчут в грязь»¹². Вместе с тем, она иронизировала над доброй волей героя-спасителя, который рассуждает о возможности спасения героини: «Захочу, тебя выкуплю, сделаю своей содержанкой или женой»¹³. Покровская уверена, что спасти проституток можно, расширив выбор занятий для женщин, который в то время ограничивался низкооплачиваемым неквалифицированным трудом. Еще один важный аспект, на который обращает внимание Покровская, – это то, что Соня у Достоевского и Надежда Николаевна у Гаршина – незаурядные личности, в обычной же жизни проститутками были простые женщины, которых погубили обстоятельства. Таким образом, подчеркивалась идеализация типов проституток у классиков, феминистки же хотели показать, что в таком положении могла оказаться любая девушка, настолько это явление жизни было обыденным.

В статье о героинях М. Горького Покровская отмечает, что в проститутках выражены типы женщин, протестующих против своего положения,

которое является крайней степенью зависимости женщины: «В проститутках как бы сосредоточивается все дурное, что заключается в положении современных женщин, что создается их рабством»¹⁴¹. И этот протест становится основной темой рассказов самой Покровской. Она описывает жизнь проституток или девушек, которых жизнь толкает к этому занятию, и их восприятие своей жизни, рассказывая страшные случаи, порой вызывающие вопрос о правдоподобии. Главная ее цель – показать, как женщины всеми силами стремятся вырваться из этого положения. Ш. Розенталь называет такие художественные произведения «протестной литературой»: «Писательницы стремились побороть бессилие, беспомощность, преследуемость, отверженность»¹⁵.

Если взгляды больших писателей оказываются близки Покровской, то другое отношение она выказывает к современной ей популярной литературе. Неодобрительно встретила она начало повести А.И. Куприна «Яма», в которой автор, по ее мнению, пишет о неизбежности проституции. Писатель сосредотачивается на внешней стороне жизни домов терпимости и лишь вскользь приоткрывает внутренний мир живущих там женщин. Покровская упрекает писателя в том, что он считает порок естественным физиологическим явлением, а проститутки для него – «не страдающие женщины, покушающиеся на самоубийство, сходящие с ума и медленно убиваемые своими гостями, но бесчувственные машины-клоаки!»¹⁶, глупые и ленивые. Ее отношение к повести проясняется при сравнении ее с рассказами самой Покровской, которая сосредоточена на описании страданий героинь и их внутреннем протесте против этого занятия.

Принадлежа по художественным критериям к массовой литературе, феминистская беллетристика игнорирует новейшие веяния, наследует классической литературе XIX в. Проститутка показана в ней страдающим существом, жаждущим спасения, избавления от позорного положения. Но есть и существенные отличия. Если в произведениях русской классической литературы о блудницах главным действующим лицом был герой, героиня же изображалась как объект, на который были направлены действия мужского персонажа, то для феминистских текстов характерно отсутствие героя вообще. Истоки такого подхода обнаруживаются в романе «Что делать» Чернышевского и «Записках из подполья» Достоевского, когда ситуация спаситель-блудница в ее евангельском варианте нарушается и, как выражается Жолковский, героиня перехватывает у героя «авторскую» роль¹⁷. В феминистской беллетристике сюжет «Спаситель-блудница» разрушается окончательно: фигура спасителя отсутствует, героиня предстает в конфликте с обществом.

Появляется качественно новое изображение проститутки. Героиня таких рассказов – женщина падшая или отказавшаяся от подобного положения. Само понятие греховности девушки заменяется проблемой ее личной трагедии. Такой взгляд меняет структуру повествования. Женщина из объекта повествования, той, которую нужно спасать, превращается в субъекта повествования. Повествователь показывает точку зрения несчастной

девушки, выражает ее мироощущение; иногда повествование ведется от ее лица. Соответственно, это в меньшей степени, чем раньше, позволяет объективировать героиню, посмотреть на нее со стороны. Страдающая героиня стремится доказать, что и она тоже личность, требуя человеческого отношения к себе. В рассказе Покровской «Портниха» умирающая от чахотки проститутка перед смертью рассказывает свою историю врачу: «В ее рыданиях слышался страшный протест против жизни и людей, которые так безжалостно обошлись с ней, третировали ее не как живого человека, который может страдать и чувствовать, но как вещь, предназначенную для известного употребления»¹⁸.

Жанровое оформление рассказов в виде исповедей создает ощущение подлинности. Распространенным вариантом становится обрамление исповеди проститутки вводными и заключительными словами рассказчика, выслушивающего героиню, – обычно это врач (или женщина-врач). Как отмечает Жолковский, для русской традиции начиная с романа «Что делать» характерна «документальная установка» на подлинную историю падения, рассказываемую герою (врачу, полицейскому, журналисту)¹⁹. Обычно выслушивающий героиню рассказчик либо совпадает с героем, либо его точка зрения приближена к герою²⁰. Отражение точки зрения героини и отсутствие в феминистских текстах героя-спасителя составляет особенность этих произведений, делает их безысходными и еще более натуралистичными.

История проститутки, рассказанная ее устами, приобретает живое звучание, становится трагедией. Героиня повествует о своей жизни, но предстает в ней не как активный персонаж, а как жертва, постоянно подвергающаяся грубому воздействию. Столкновение женщины с неприкрытой правдой жизни, с реалиями действительности, в которой ей места нет, становится рефреном беллетристики феминистских журналов. Это страшные, проникновенные рассказы о бесправном положении женщины, о невозможности вести самостоятельную жизнь, зарабатывая честным трудом, не сговариваясь со своими чувствами и совестью.

О том, насколько сгущены краски в таких произведениях, можно судить по рассказу-исповеди «Страничка жизни»²¹, в котором с каждым событием жизнь героини предстает все более безысходной. Девушка повествует свою историю доктору Иванову, который спас ее от самоубийства. Родители-купцы не разрешали ей учиться, выдали замуж. Муж издевался над ней, уморил ее дочь. Устроилась на работу – приставали хозяева. В парке ее домогался один тип – агент полиции, занимающийся поиском тайных проституток. Она отказала ему, тогда он заявил городовому, что она проститутка. Ее отвели в участок, там изнасиловали, после чего выдали желтый билет, оказалось, что заразили сифилисом. Героиня восклицает: «Разве после этого можно жить? – жить среди людей... не считающих женщину за человека, – дающих право каждому негодяю делать с ней, что хочет! Жить в стране, где законы создаются лишь для удобства мужчин, а женщины отдаются во власть развратников и пьяниц»²². Она кончает

жизнь самоубийством. Таким образом, в данном рассказе доктор не может рассматриваться как спаситель в евангельском понимании, а сама идея спасения терпит крушение со смертью девушки.

В принципе, этот рассказ не сильно отличается от других художественных произведений о проститутках, опубликованных в «Женском вестнике». Поражает здесь сцена насилия в полицейском участке. Рассказ призван показать жестокость государства по отношению к женщине: его представители оказываются насильниками, доводящими героиню до самоубийства. Может быть, не в полной мере соответствуя реальности, рассказ иллюстрировал идею феминисток о неприемлемости врачебно-полицейского контроля над проститутками, превращающего женщину в изгой. Она ущемлялась в гражданских правах: ее паспорт обменивался на желтый билет, от которого было чрезвычайно трудно избавиться. Как отмечает С.В. Крадецкая, «система врачебно-полицейского надзора за проституцией позволяла объявить любую женщину, не отвечающую представлениям о норме, проституткой, над которой можно было беспрепятственно совершать насилие»²³.

Подобный случай описывается в рассказе «Жизнь прекрасна»²⁴ О. Некрасовой, в котором курсистка Надежда Федоровна живет в номере доходного дома, куда заселяются девушки легкого поведения. Полицейские забирают всех девушек на освидетельствование, выдают им желтые билеты. Повествователь, периодически выражая точку зрения героини, в последних абзацах предоставляет ей право говорить: в письме она рассказывает о произошедшем своему любимому, выводя из своего случая общественную проблему. Автор словами героини передает идею о необходимости борьбы с государственной регламентацией проституции: целью Надежды Федоровны становится избавиться от позорного билета и всю жизнь посвятить борьбе с подобным отношением к женщине. В пропагандистских целях автор усиливает несправедливость ситуации. На самом деле, при полицейских облавах многие простые девушки (крестьянки, приехавшие на заработки, служанки, ищущие места) попадали в участок. Утром, во время медицинского осмотра, девушек соблазняла прелестью жизни в публичном доме его содержательница, а полицейский чиновник, заведомо подозревающий их в тайной проституции, уговаривал взять для удобства желтый билет. После нескольких арестов многие девушки соглашались²⁵.

По сути, в феминистских рассказах героиня отказывается от самого образа блудницы. Так, Катюша из «Воскресения» Толстого и Надежда Николаевна из «Происшествия» Гаршина при всем внутреннем несогласии пытались оправдать свое занятие: «Маслова не только не стыдилась своего положения <...>, – но как будто даже была довольна, почти гордилась им. <...> Она была проститутка, приговоренная к каторге, и, несмотря на это, она составила себе такое мировоззрение, при котором могла одобрить себя и даже гордиться перед людьми своим положением»²⁶. Героиня Гаршина воспринимала свое положение как службу, она занимала необходимую для общества нишу: «Да, и у меня свой пост! И я тоже нужна, необ-

ходима. <...> “Пусть я исполняю грязное, отвратительное дело, занимаю самую презренную должность; но ведь это – должность!”»²⁷. Напротив, в феминистских текстах героиня отказывается самоидентифицироваться с подобным образом. Она не принимает навязанную ей роль, типичным выходом становится самоубийство, являющееся альтернативой проституции для девушки, у которой не осталось другого выбора.

В рассказе из журнала «Женский вестник» «Не по силам»²⁸ девушка после смерти отца решает начать самостоятельную жизнь. Многодневные поиски работы ни к чему не приводят, мечты о «действительной» жизни терпят крушение, а голод вынуждает прибегнуть к последней возможности заработка – собственным телом. Но преодолеть себя героиня не в силах и, так и не начав новой жизни, выбрасывается из окна. В невозможности женщины зарабатывать на жизнь собственным трудом имплицирована полемика с идеями женского движения второй половины XIX в., восходящими к роману Н.Г. Чернышевского. Показывается, как женщина в конкретных событиях ее жизни выступает несамостоятельным лицом, не могущим изменить ход событий.

В рассказе «Больница-тюрьма» М.И. Покровской²⁹ поднимаются два основных вопроса: о неприемлемости государственного контроля над проституцией и о возможности избавления женщины от этой профессии. Героиня-рассказчица медичка Степанова, признавая наличие примеров, когда проститутки самостоятельно возвращались к порядочной жизни, рассказывает о том, как работала фельдшерницей в больнице, где насильно лечили проститутки. Больница представляла собой тюрьму, которую женщины не могли покинуть по своему желанию (в Петербурге такой была Калининская больница – О.С.). Персонал постоянно унижал их, и потому больные устраивали драки и скандалы. Рассказчица выказывает сочувственное отношение к проституткам. Самую отчаянную и буйную девушку Воробьеву она взяла на поруки, поселила у себя, устроила сиделкой в больницу. Воробьева стала очень терпеливой сиделкой, но погибла во время эпидемии холеры, пав «жертвой своего самоотвержения, усиленно работая в больнице». Нужно отметить, что в рассказе появляется состоявшаяся спасительница, что отличает ее от псевдоспасителей в русской классической литературе. Вроде бы приводится пример возрождения блудницы, но возвращение девушки к честной жизни полностью не реализуется из-за ее гибели. Таким образом, вновь ставится под сомнение осуществимость проекта по спасению блудницы.

Идея земного спасения сознательно нивелируется Покровской пародийной фигурой спасителя в рассказе «Продал»³⁰. Отравившуюся девушку привозят в больницу из борделя, где она не пробыла и двух недель. Во враче она узнает одного из клиентов, который мучил ее. Врач, понимая, что он был одним из палачей больной, все-таки пытается ее спасти, но она выбирает смерть, не желая возвращаться в дом терпимости. Таким образом, спаситель оказывается в прошлом мучителем. Пародируется и само спасение, которое не несет избавления от позорного занятия. Реальным

спасением оказывается смерть, своеобразной спасительницей предстает сестра милосердия, заявляющая: «Оставьте ее умереть. Ведь по выздоровлении ей опять придется возвратиться к той жизни, которая довела ее до самоубийства»³¹.

Таким образом, героини Покровской жаждут возвращения к честной жизни, но оно, как и в реальной жизни, оказывается практически неосуществимым. В утопическом стремлении к спасению героини авторы феминистских рассказов наследуют классической литературной традиции, игнорируя разоблачение идеи спасения падшей в других художественных опытах: например, в «Происшествии» (1878) Гаршина, где героиня сознательно отказалась от замужества, которое закрепостило бы ее и сделало обязанной спасителю.

Помещение мифа о возрождении блудницы в рамки рождественского рассказа обостряет идею невозможности спасения проститутки. В рассказе «Необыкновенная гостья»³² Покровской в сочельник курсистка Лида впускает переночевать пьяную проститутку, которую выгнала хозяйка заведения. Повествователь излагает точку зрения героини-спасительницы, в которой жалость борется с отвращением. В рамках сюжета «Спаситель(ница)-блудница» ситуацию осознает проститутка, которая, протрезвев к утру, говорит: «Ишь ведь, по-христиански... не погнушалась мной!..»³³ Лиду охватывает идея спасти проститутку, но из рассказа последней она понимает, что ей это не по силам.

Еще более трагичен финал рассказа Покровской «Прислуга»³⁴, в котором Саша, сбегавшая из дома терпимости, устроилась в служанки. В сочельник городской приходит за ней, чтобы вернуть ее обратно. По дороге она убегает от него. В очередной раз точка зрения повествователя сливается с точкой зрения героини: «Сашу окружили сотни призраков, которые с искаженными и зверскими лицами протягивали к ней жадные руки, стараясь оторвать хотя бы кусочек ее тела, причиняя ей нестерпимую боль. В смертельном ужасе, спасаясь от них, девушка, без стопа, без крика, скользнула в воду и исчезла под водой»³⁵. Таким образом, эти рассказы разоблачают как идиллию рождественского рассказа, так и утопию о спасении блудницы: не происходит ни рождественского чуда, ни возрождения падшей. Характерная для литературы начала XX в. нивелировка устоявшихся в классике сюжетов распространяется и на сюжет о спасении блудницы.

Таким образом, в пику русской литературной традиции, мифологизировавшей проститутку, в феминистских текстах востребованной героиней была несчастная девушка, придавленная жизненными обстоятельствами, которая не захотела быть блудницей, отказалась принять уготованное ей место в самом низу социальной иерархии. Во многих рассказах женщина так и не становится проституткой, авторы отказываются от создания этого образа, приводя героиню к смерти. Исчезает фигура спасителя: чаемое спасение оказывается в принципе невозможным при существующем устройстве общества. Феминистки переводят проблему из «вечной» в современную, помещая ее в социально-экономический контекст, превращая

художественные произведения в средство для пропаганды своих идей.

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02709).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апокрифы древних христиан: исследование, тексты, комментарии / под ред. А.Ф. Окулова. М., 1989.

² Грешница: поэмы И. Полежаева, А. Толстого, В. Крестовского, Д. Минаева. СПб., 1893; 2-е изд. СПб., 1900.

³ Нарусевич И.В. Житие Марии Магдалины в «Золотой легенде» Якова Ворягинского // *Studia philologica* / под ред. Г.И. Шевченко. Вып. 5. Минск, 2002. С. 29–45.

⁴ Клюев Н. Сосен перезвон. [Репринт. изд.: М.: Кн-во В.И. Знаменский и К°, 1912]. М., 2002. С. 62–63.

⁵ Жолковский А.К. Топос проституции в литературе // Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. Бабель. М., 1994. С. 319.

⁶ Егоров Б.Ф. Русские утопии // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 260–263.

⁷ Муравьева М.Г. Государственное призрение проституции в предреволюционном Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 163–186.

⁸ Мельникова Н.Н. Миф о возрождении грешницы в русской литературе XIX – начала XX века // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. № 11 (113). С. 110.

⁹ Мельникова Н.Н. Метаморфозы образа падшей женщины в русской и латиноамериканской литературе // Вестник Московского университета. 2009. № 6. С. 116. (Сер. 9. Филология).

¹⁰ Топорков А.Л. Повесть А.М. Ремизова «О безумии Иродиадином», пьеса Оскара Уайльда «Саломея» и «Песнь песней» царя Соломона // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / отв. ред. член-корр. РАН А.Л. Топорков. М., 2015. С. 172.

¹¹ Покровская М.И. О падших. СПб., 1901. С. 16.

¹² Покровская М.И. О падших. СПб., 1901. С. 5.

¹³ Покровская М.И. О падших. СПб., 1901. С. 21.

¹⁴ Покровская М.И. Женские типы Максима Горького (Из русской литературы) // Женский вестник. 1906. № 3. С. 79.

¹⁵ Rosenthal Ch. Achievement and Obscurity: Women's Prose in the Silver Age // *Women Writers in Russian Literature* / ed. by T.W. Clyman, D. Greene. Westport, Connecticut; London, 1994. P. 152.

¹⁶ Покровская М.И. Русская яма // Женский вестник. 1910. № 2. С. 40.

¹⁷ Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. Бабель. М., 1994. С. 94.

¹⁸ Покровская М.И. Портниха // Покровская М.И. О падших. СПб., 1901. С. 56.

¹⁹ Жолковский А.К. Топос проституции в литературе // Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. Бабель. М., 1994. С. 358.

²⁰ Жолковский А.К. Топос проституции в литературе // Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. Бабель. М., 1994. С. 323.

²¹ Е.П. Страничка жизни // Женский вестник. 1914. № 3. С. 71–74.

²² Е.П. Страничка жизни // Женский вестник. 1914. № 3. С. 73.

- ²³ Крадецкая С.В. «Наградивши девушку желтым билетом...». Сексуальные домогательства в интерпретации российских феминисток начала XX века // Родина. Российский исторический журнал. М., 2012. № 7. С. 157.
- ²⁴ Женский вестник. 1907. № 4. С. 99–104.
- ²⁵ Покровская М.И. О жертвах общественного темперамента. СПб., 1902. С. 11.
- ²⁶ Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32. М., 1936. С. 151–152.
- ²⁷ Гаршин В.М. Происшествие // Гаршин В.М. Сочинения. М., 1955. С. 17–18.
- ²⁸ Див К. Не по силам // Женский вестник. 1912. № 12. С. 253–258.
- ²⁹ Женский вестник. 1906. № 12. С. 323–330.
- ³⁰ Покровская М.И. Продам // Покровская М.И. О жертвах общественного темперамента. СПб., 1902. С. 67–79.
- ³¹ Покровская М.И. Продам // Покровская М.И. О жертвах общественного темперамента. СПб., 1902. С. 70.
- ³² Покровская М.И. Необыкновенная гостя // Женский вестник. 1905. № 1. С. 3–6.
- ³³ Покровская М.И. Необыкновенная гостя // Женский вестник. 1905. № 1. С. 4.
- ³⁴ Покровская М.И. Прислуга // Покровская М.И. О падших. СПб., 1901. С. 57–67.
- ³⁵ Покровская М.И. Прислуга // Покровская М.И. О падших. СПб., 1901. С. 66–67.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Murav'eva M.G. Gosudarstvennoe prizrenie prostitutsii v predrevolyutsionnom Peterburge [The State Charity of Prostitution in Pre-revolutionary St. Petersburg]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2005, vol. 3, no. 2, pp. 163–186. (In Russian).
2. Mel'nikova N.N. Mif o vrozozhdenii greshnitsy v russkoy literature XIX – nachala XX veka [The Myth of the Rebirth of a Sinful Woman in the Russian Literature of the 19 – early 20 century]. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*, 2011, no. 11 (113), p. 110. (In Russian).
3. Mel'nikova N.N. Metamorfozy obraza padshey zhenshchiny v russkoy i latinoamerikanskoj literaturakh [Metamorphoses of the Image of the Fallen Woman in the Russian and Latin American Literatures]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 9. Philology, 2009, no. 6, p. 116. (In Russian).
4. Kradetskaya S.V. “Nagradiivshi devushku zhelytym biletom...”. Seksual'nye domogatel'stva v interpretatsii rossiyskikh feministok nachala XX veka [“Rewarding a girl with a yellow card ...”. Sexual Harassment in the Russian Feminists' Interpretation in the Early Twentieth Century]. *Rodina. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 2012, no. 7, p. 157. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Narusevich I.V. Zhitie Marii Magdaliny v “Zolotoy legende” Yakova Voraginskogo [Hagiography of Mary Magdalene in the “Golden legend” by Jacobus de

- Voragine]. *Shevchenko G.I. (ed.). Studia philologica*. Issue 5. Minsk, 2002, pp. 29–45. (In Russian).
6. Zholkovskiy A.K. Topos prostitutsii v literature [The Topos of Prostitution in Literature]. *Zholkovskiy A.K., Yampol'skiy M.B. Babel'* [Babel]. Moscow, 1994, p. 319. (In Russian).
 7. Egorov B.F. Russkie utopii [Russian Utopia]. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. 5 (nineteenth century). Moscow, 1996, pp. 260–263. (In Russian).
 8. Toporkov A.L. Povest' A.M. Remizova “O bezumii Irodiadinom”, p'esa Oskara Uayl'da “Salomeya” i “Pesn' pesney” tsarya Solomona [The Novel “On the madness of Herodias” by A.M. Remizov, the play “Salome” and “The song of songs of king Solomon” by Oscar Wilde]. *Toporkov A.L. (ed.). “Vechnye” syuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* [“Eternal” Plots and Images in the Literature and Art of the Russian Modernism]. Moscow, 2015, p. 172. (In Russian).
 9. Rosenthal Ch. Achievement and Obscurity: Women's Prose in the Silver Age. *Clyman T.W., Greene D. (eds.). Women Writers in Russian Literature*. Westport, Connecticut; London, 1994, p. 152. (In English).
 10. Zholkovskiy A.K. Topos prostitutsii v literature [The Topos of Prostitution in Literature]. *Zholkovskiy A.K., Yampol'skiy M.B. Babel'* [Babel]. Moscow, 1994, p. 358. (In Russian).
 11. Zholkovskiy A.K. Topos prostitutsii v literature [The Topos of Prostitution in Literature]. *Zholkovskiy A.K., Yampol'skiy M.B. Babel'* [Babel]. Moscow, 1994, p. 323. (In Russian).

(Monographs)

12. Okulov A.F. (ed.) *Apokrify drevnikh khristian: issledovanie, teksty, kommentarii* [The Apocrypha of Ancient Christians: Research, Texts, Comments]. Moscow, 1989. (In Russian).
13. Zholkovskiy A.K., Yampol'skiy M.B. *Babel'* [Babel]. Moscow, 1994, p. 94. (In Russian).

Ольга Алексеевна Симонова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Научные интересы: русская литература Серебряного века, женские журналы, массовая литература.

E-mail: osimonova@yandex.ru.

Olga Simonova – Candidate of Philology, Senior Researcher at Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences.

Research interests: Russian literature of the Silver Age, women's magazines, mass literature.

E-mail: osimonova@yandex.ru